

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-177-190

EDN: LNLSQS

Научная статья / Research article

Сетевая дипломатия России в Евразии: от ЕАЭС к Большому Евразийскому партнерству

В.И. Булва¹ , А.К. Бобров² ¹Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация²Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел
Российской Федерации, Москва, Российская Федерация va.i.bulva@my.mgimo.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что на фоне трансформации механизмов дипломатического взаимодействия за счет расширения состава участников и диверсификации сфер международного сотрудничества Российская Федерация стремится использовать потенциал сетевой дипломатии для выстраивания диалога с заинтересованными партнерами из числа государств-единомышленников, а также представителей неправительственного сектора. Цель работы — оценка перспектив развития сетевой дипломатии России в Евразии в качестве ключевого инструмента налаживания связей с региональными и внерегиональными («внешним контуром») акторами. Научная новизна исследования состоит в том, что на примере Евразийского региона комплексно рассматриваются различные институты и механизмы сетевого взаимодействия — от широкопрофильных региональных форматов до узкоспециализированных рабочих групп по отдельным трекам. При проведении анализа применялся системный подход. Глубокому изучению особенностей функционирования различных форматов сетевой дипломатии, в частности таких, как гибкость, отсутствие иерархии и открытость, способствовало применение институционального метода исследования. Выявлено, что в Евразии сетевая дипломатия позволяет России решить сразу несколько задач. Во-первых, подобная дипломатия востребована на начальном этапе развития интеграционных процессов и опирается на модель разнотемпной разноуровневой интеграции, что подтверждает пример евразийской интеграции до образования Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Во-вторых, сетевая дипломатия ориентирована на углубление отраслевого сотрудничества в рамках рабочих групп региональных структур — ЕАЭС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), объединяющих правительственных экспертов и представителей неправительственного сектора. В-третьих, на постсоветском пространстве, в том числе в Евразии, были апробированы такие инструменты сетевой дипломатии, как форматы по урегулированию конфликтов. В-четвертых, потенциал сетевой дипломатии используется для формирования единого интеграционного контура в Евразии. Авторы приходят к выводу о важной роли сетевой дипломатии в Евразии в контексте создания дополнительных возможностей для равноправного диалога с государствами — членами региональных многосторонних структур и другими заинтересованными странами, в том числе странами, входящими в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и ШОС, предотвращения риска фрагментации Евразии. Наиболее перспективным в этой связи представляются инициативы Большого Евразийского партнерства — проекта, аккумулирующего потенциал и ресурсы государств, многосторонних объединений (ЕАЭС, ШОС, АСЕАН) и инициатив отдельных региональных акторов («Один пояс, один путь»).

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, евразийское пространство, единый интеграционный контур, разнотемпная интеграция, многополярность, миропорядок, мировое большинство, пояс добрососедства

© Булва В.И., Бобров А.К., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Булва В.И.: концептуализация, анализ и систематизация информации, проведение исследования, подготовка рукописи. Бобров А.К.: разработка методологии исследования, подбор материалов, научное руководство исследованием. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Булва В. И., Бобров А. К. Сетевая дипломатия России в Евразии: от ЕАЭС к Большому Евразийскому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 177–190. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-177-190>

Russia's Network Diplomacy in Eurasia: From the EAEU to the Greater Eurasian Partnership

Valeriia I. Bulva¹ , Alexander K. Bobrov²

¹Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

²MGIMO University, Moscow, Russian Federation

va.i.bulva@my.mgimo.ru

Abstract. The present study is of particular pertinence in the context of the transformation of the mechanisms of diplomatic interaction that has occurred in the wake of the expansion of the composition of participants and the diversification of the areas of international cooperation. In this regard, the Russian Federation seeks to use the potential of network diplomacy to establish a dialogue with interested partners from among like-minded states and representatives of the non-governmental sector. The purpose of the study is to assess the prospects for the development of Russia's network diplomacy in Eurasia as a key tool for establishing ties with regional and extra-regional ("external contour") actors. The scientific novelty of the study lies in the fact that using the example of the Eurasian region the authors comprehensively consider various institutions and mechanisms of network interaction — from broad-profile regional formats to highly specialized working groups on specific tracks. The analysis is based on a systems approach. The article includes an in-depth study conducted with the use of the institutional research method of various formats of network diplomacy, including flexibility, lack of hierarchy and openness. It was revealed that in Eurasia Russia is able to address multiple issues concurrently through the network diplomacy. Firstly, such diplomacy is required at the initial stage of development of integration processes and is based on the model of multi-speed and multi-level integration, as evidenced by the Eurasian integration paradigm prior to the establishment of the Eurasian Economic Union (EAEU). Secondly, network diplomacy is aimed at deepening sectoral cooperation within the framework of working groups of regional structures — the EAEU and the Shanghai Cooperation Organization (SCO), uniting government experts and representatives of the non-governmental sector. Thirdly, in the post-Soviet space, including Eurasia, Russia tested such network diplomacy tools such as conflict resolution formats. Fourthly, the potential of network diplomacy is important to form a single integration contour in Eurasia. The authors conclude that network diplomacy in Eurasia plays an important role in creating additional opportunities for equal dialogue with member states of regional multilateral structures and other interested countries, including the countries of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the SCO. It facilitates the prevention of the risk of fragmentation of Eurasia. In this regard, the most promising course of action appears to be the promotion of the Greater Eurasian Partnership initiative — a project that accumulates the potential and resources of states, multilateral associations (EAEU, SCO, ASEAN) and initiatives of individual regional actors (Belt and Road Initiative).

Key words: network interaction, Eurasian space, single integration contour, multi-speed integration, multipolarity, world order, world majority, belt of good neighborliness

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. V.I. Bulva: conceptualization, analysis and systematization of information, conducting the research, preparing the manuscript. A.K. Bobrov: development of the research methodology, selection of materials, scientific supervision of the research. All authors read and approved the final version of the article.

For citation: Bulva, V. I., & Bobrov, A. K. (2025). Russia's network diplomacy in Eurasia: From the EAEU to the Greater Eurasian partnership. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 177–190. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-177-190>

Введение

Сегодня сетевая дипломатия открывает новые горизонты для развития международного сотрудничества. Из теоретического концепта, становление которого проходило в условиях диверсификации акторов мировой политики (Keohane & Nye, 2011) и секьюритизации разных ее сфер (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998), она постепенно становится инструментом практической реализации внешнеполитического курса многих государств.

По сей день сохраняются существенные различия в российской и западной науке в отношении трактовки понятия «сетевой дипломатии». А.-М. Слотер (Slaughter, 2017), К.М. Константинову, П. Шарп (Constantinou & Sharp, 2016), Э. Купер, Х. Гейне и Р. Тхакур (The Oxford Handbook of Modern Diplomacy, 2013) в своих работах по сетевой дипломатии во главу угла ставят плюрализм акторов, обусловленный расширением участия неправительственных организаций. Примечательно, что некоторые зарубежные исследователи анализируют возможность использования инструментов сетевой дипломатии в урегулировании конфликтов и межгосударственных споров. В частности, этот аспект проблематики затрагивал С. Чои (Choi, 2023). К. Хайден обращает внимание на укрепление потенциала сетевой дипломатии в информационную эпоху, тем самым акцентируя внимание на появлении новых инструментов дипломатического взаимодействия, связанных с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (Hayden, 2013). В свою очередь российские исследователи (Бурганова, 2016; Воронцова, 2017; Колосова, 2014; Кунина, 2022) рассматривают сетевую дипломатию как одну из форм многосторонней дипломатии, где главную роль играют государства.

В то же время как российские (Morozov, Shebalina & Lebedeva, 2019), так и западные исследователи (Metzl, 2001) обращают внимание на гибкость, отсутствие иерархии и жесткой бюрократической структуры в институтах и механизмах сетевой дипломатии.

Благодаря этому сокращается временной лаг в ходе процесса согласования решений, что позволяет привлечь к сотрудничеству государства, стремящиеся избежать полноправного членства в международных организациях в силу особенностей их доктринальных установок (прежде всего, речь идет о так называемых «нейтральных странах») или неготовности взаимодействовать по отдельным направлениям.

После анализа различных подходов к понятию «сетевая дипломатия», а также изучения практического опыта использования сетевых инструментов дипломатического взаимодействия на примере Российской Федерации авторы предлагают оперировать следующим определением понятия «сетевой дипломатии». Под сетевой дипломатией будет пониматься такая форма многосторонней дипломатии, для которой характерно отсутствие жестко регламентированной бюрократической структуры, уставного документа и штаб-квартиры, а взаимодействие между государствами и различными заинтересованными сторонами выстраивается на основе гибких инструментов сотрудничества. При этом сетевое взаимодействие может осуществляться на различных уровнях (глобальном, макро-региональном и региональном) и в разнообразных форматах (например, универсальные глобальные сетевые институты, которые по тематике схожи с международными организациями универсального характера; региональные площадки, объединяющие государства, региональные организации, интеграционные объединения и неправительственных акторов, а также форматы по урегулированию отдельной проблемы — узкопрофильные рабочие группы и форматы по мирному урегулированию военно-политических конфликтов).

Преимуществом сетевых площадок выступает их открытость и инклюзивность, что предполагает возможность привлечения различных заинтересованных сторон. Такой подход помогает перенести в практическую плоскость решения, согласованные на политическом уровне в рамках классического

дипломатического взаимодействия. Благодаря участию бизнеса происходит экономия на финансовых издержках при практической реализации договоренностей. Представители научного и академического сообществ, обладая высоким интеллектуальным потенциалом, играют роль генератора идей и концепций по развитию международного сотрудничества с учетом соответствующих узкопрофильных знаний, навыков и компетенций.

В России востребованность институтов и инструментов сетевой дипломатии возросла в середине 2000-х гг., когда после окончательного отказа от блокового подхода, характерного для эпохи холодной войны, была сделана ставка на многовекторное сотрудничество на равноправной основе с заинтересованными государствами. Однако на этапе концептуального осмысления понятия «сетевой дипломатии» (2008–2013 гг.), а также в середине 2010-х гг. в российской и зарубежной науке акцент делался на изучении специфики глобальных форумов, а именно «Группы восьми» (Ларионова, Рахмангулов, 2009), «Группы двадцати» (Kirton, 2013; Najnal, 2019; Ларионова, 2017) и БРИКС (Филатов, 2011; Шелепов, 2015; Кузнецов, 2020), отличительная черта которых заключается в широком географическом охвате и всеобъемлющем многопрофильном характере. Ключевой стратегический приоритет Российской Федерации в обозначенный период состоял в приведении положения страны на международной арене в соответствие с ее ресурсами. Одним из механизмов реализации данной задачи было укрепление сотрудничества с западными государствами посредством таких форматов сетевой дипломатии, как «Группа двадцати» и формирующийся форум БРИКС.

Однако на практике инструменты сетевой дипломатии оказались не менее востребованы и на региональном уровне, что повышает актуальность исследования эволюции и перспектив сетевой дипломатии России в Евразии. Благодаря преимуществам сетевого взаимодействия упрощался процесс установления и развития связей с широким кругом партнеров. Облегчению привлечения их к диалогу способствовала в том числе возможность «избирательного» сотрудничества при сохранении широкой повестки той или

иной площадки. Это соответствовало модели «разноскоростной интеграции», которой придерживалась Россия на евразийском пространстве.

На основании анализа литературы, посвященной многосторонней дипломатии в Евразии, можно сделать вывод, что в центре внимания академического сообщества находятся вопросы развития региональных площадок как инструментов укрепления экономических связей (Lissovlik, 2017; Редькина, Круг, 2024; Хейфец, 2018) и контактов в сфере безопасности (Галлямова, Аминов, 2022; Жарков и др., 2024; Турлыбаева, 2022) в регионе. В последнее время особое значение отводится их роли в современных международных отношениях (Бударина, Прокопович, 2024; Малышев, 2021; Еникеев, Лукин, Новиков, 2024).

Исследование нацелено на выявление особенностей и перспектив развития форматов сетевой дипломатии России в Евразии¹, активно используемых при работе ключевых региональных площадок – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и позволяющих выстраивать диалог с внешними партнерами (государствами — не членами данных структур) либо сосредоточиваться на конкретных тематических направлениях

¹ К странам Евразии авторы относят государства — члены ЕАЭС (Республику Армению, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Кыргызскую Республику и Российскую Федерацию), ШОС (помимо тех стран, которые также входят в ЕАЭС (за исключением Армении) в нее входят Республика Индия, Исламская Республика Иран, Китайская Народная Республика, Исламская Республика Пакистан) и государства — члены АСЕАН (Государство Бруней-Даруссалам, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Индонезия, Королевство Камбоджа, Народно-Демократическая Республика Лаос, Малайзия, Республика Союз Мьянма, Республика Сингапур, Королевство Таиланд и Республика Филиппины Филиппины). Такой подход соответствует концептуализации понятия евразийского пространства, нашедшей отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 г. (раздел «Евразийский континент», п. 54.2). См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД России. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 23.04.2025).

(деятельность профильных рабочих групп). В этих аспектах исследование опирается на институциональный метод, направленный на изучение политических институтов взаимодействия и позволяющий проанализировать специфику процесса многоуровневого (то есть с участием различных акторов мировой политики) сотрудничества в Евразии в рамках сетевых форматов региональных организаций (ЕАЭС и ШОС). Кроме того, перспективным представляется необходимость более глубокого изучения инициативы Большого Евразийского партнерства (БЕП) как основного формата сетевой дипломатии в Евразии — интегрирующего фактора дипломатии России в регионе.

С опорой на системный подход к изучению современных международных отношений, весомый вклад в разработку которого внес А.Д. Богатуров (Богатуров, 2017), авторы стремятся показать, что БЕП может сыграть важную роль в формировании региональной подсистемы международных отношений в Евразии с учетом региональных приоритетов и национальных интересов Российской Федерации, закрепленных в Концепции внешней политики от 2023 г. В частности, системный подход дает возможность комплексного анализа всех элементов такой подсистемы — государств и неправительственных субъектов, а также учета внешних факторов, влияющих на ее построение, среди которых взаимодействие с государствами, не являющимися членами региональных организаций, и внешние шоки — новые вызовы и угрозы (например, деятельность государств коллективного Запада, направленная на подрыв интересов России в данном регионе).

Особенности сетевой дипломатии России в Евразии

На современном этапе на евразийском направлении ключевыми задачами Российской Федерации становится формирование «пояса добрососедства» и недопущение изоляции. Для этого в дополнение к классической дипломатии (дипломатия на высшем уровне, дипломатия по официальным дипломатическим каналам) максимально широко используются разнообразные форматы сетевой дипломатии. В сетевых альянсах вместо

иерархических конфигураций на первый план выходят гибкие формы взаимодействия государств. При этом, в отличие от «блоковой дипломатии» (речь идет о противостоянии Организации Варшавского договора (ОВД) и Организации Североатлантического договора (НАТО) в годы холодной войны), такие контакты направлены не на противодействие какому-либо государству или многостороннему объединению, а на консолидацию усилий с целью коллективного поиска решений по различным вопросам международной повестки.

Характерной чертой сетевой дипломатии России в Евразии выступает то, что подобная форма дипломатии играет роль основного инструмента установления и развития межгосударственных связей на подготовительном этапе интеграции. Так, с середины 2000-х гг. российская сетевая дипломатия была направлена на развитие евразийского экономического пространства, а именно формирование Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) как основы будущего Евразийского экономического союза. На подобную тенденцию обращали внимание и ряд российских исследователей. В частности, И.В. Зеленева и Д.А. Ивановский в качестве «элемента сетевых альянсов» рассматривали ЕАЭС (Зеленева, Ивановский, 2018, с. 46), сегодня представляющий собой полноценное региональное интеграционное объединение.

Участниками евразийской интеграции выступают государства, которые в начале 2000-х гг. инициировали запуск данного процесса путем формирования ТС и ЕЭП и поэтому выступили «ядром» будущего Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), а затем ЕАЭС (Россия, Беларусь и Казахстан) и другие страны региона (Киргизия, Таджикистан и с 2006 по 2008 г. Узбекистан, позже — Армения). Консолидации региона во многом способствовало применение инструментов сетевого взаимодействия. Благодаря сетевым форматам участниками сотрудничества становились многочисленные неправительственные субъекты, а не только государства, что привело к установлению устойчивых социально-гуманитарных и экономических деполитизированных международных контактов, а также генерации

«объединительной» повестки. На современном этапе продолжается укрепление существующих и развитие новых площадок такого горизонтального сотрудничества.

В этой связи отдельно следует упомянуть Деловой совет ЕАЭС², который играет роль вспомогательного инструмента экономической интеграции региона, осуществляя координационно-совещательную функцию. Главные участники его деятельности — представители деловых кругов, которые как взаимодействуют между собой и другими неправительственными субъектами, так и поддерживают тесные связи с официальными институтами ЕАЭС (Евразийской комиссией) и национальными органами государственной власти. По инициативе Делового совета активизируется форумная деятельность и проведение конгрессно-выставочных мероприятий, благодаря которым появляются дополнительные возможности для обмена опытом, установления прямых контактов между заинтересованными сторонами, подготовки и реализации совместных трансграничных проектов в различных отраслях экономики (Столков, 2023).

Все большее значение приобретает научно-образовательный вектор. В 2022 г. государства — члены ЕАЭС приняли решение об учреждении Евразийского сетевого университета (ЕСУ)³. Реализация данного проекта позволила укрепить межвузовские связи на пространстве ЕАЭС, снизить барьеры в сфере образования, что в конечном итоге способствовало углублению интеграции образовательных систем государств-членов. Кроме того, создание ЕСУ привело к росту интереса к проведению совместных научно-исследовательских проектов и обмену передовыми практиками в сфере образования. Особое значение отводится повышению академической мобильности за счет наращивания обменов студентами и экспертами между широкой сетью вузов-партнеров, объединенных в научно-образовательный консорциум ЕСУ.

² О Деловом совете ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/konsultativnye-organy/o-delovom-sovete-eaes/about-del-sov.php> (дата обращения: 13.11.2024).

³ Евразийский сетевой университет. URL: <https://enuniversity.org/> (дата обращения: 13.11.2024).

Весомый вклад в развитие гуманитарных связей вносит молодежный трек. Сотрудничество по линии молодежи выстраивается в первую очередь в рамках созданного в 2019 г. Молодежного совета при Евразийской экономической комиссии (ЕЭК)⁴. Важным представляется и регулярное проведение молодежных форумов, которые, как правило, проходят на полях политических встреч. В качестве отдельного трека развивается женская повестка, на различных площадках (ключевая среди них — Евразийский женский форум) поддерживается диалог между женщинами, которые пользуются авторитетом в своих государствах.

Такие связи на горизонтальном уровне позволили преодолеть бюрократические препятствия на пути практической реализации стратегических приоритетов интеграционного развития на евразийском пространстве с учетом национальных особенностей отдельных стран региона. Таким образом, благодаря сочетанию классической официальной и сетевой дипломатии в Евразии удалось сохранить уникальность политических и экономических систем, разнообразие культур государств при одновременном создании объединительной повестки взаимодействия в трех плоскостях — между государствами, между государствами и негосударственными субъектами, а также по линии негосударственных субъектов.

По сей день в ЕАЭС инструменты сетевой дипломатии служат для поиска совпадающих интересов сторон, что способствует определению вектора будущего развития интеграционных процессов в регионе. Такая модель особенно востребована в Евразии в силу того, что среди государств — соседей России есть нейтральные страны (Туркменистан) или те, которые осторожно относятся к сотрудничеству по ряду вопросов чувствительного характера.

Из этого вытекает другая особенность сетевой дипломатии России в Евразии, а именно — использование преимуществ гибких форматов сетевого взаимодействия (менее иерархичных) для продвижения уже

⁴ Молодежный совет ЕЭК // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/youth_agenda/council/ (дата обращения: 13.11.2024).

упоминавшейся ранее концепции «разноскоростной интеграции». При оценке перспектив развития евразийской интеграции через призму данной концепции акцент делается на многовариантности форм участия государств-членов и заинтересованных партнеров (Рахимов, Азизова, 2021, с. 111). В то же время параллельно происходит сужение (ограничение сфер взаимодействия по сравнению с другими региональными площадками) и углубление (переход на более высокий уровень контактов с упором на экономический трек) сотрудничества.

На начальном этапе развития евразийских институтов эта черта отличала их от уже существующей площадки — Содружества Независимых Государств (СНГ), представляющего собой формализованную региональную организацию. Упор был сделан на децентрализации экономических процессов, что открывало широкое поле для взаимодействия разноуровневых игроков⁵. Данный подход был ориентирован на расширение экономического партнерства не только между политическими (государствами в лице национальных правительств), но и ключевыми экономическими силами региона (крупнейшими бизнес-корпорациями и промышленными предприятиями, в том числе транснациональными).

После завершения формирования ЕАЭС в качестве региональной интеграционной структуры инструменты сетевой дипломатии оказались востребованными для расширения «внешнего контура». В ЕАЭС, как и в большинстве международных организаций, поддерживается взаимодействие между государствами-членами и странами-наблюдателями, среди которых на момент написания статьи фигурировали Молдавия, Узбекистан, Куба и Иран. В то же время уникальность Союза обеспечивает развитие экономического сотрудничества с внерегиональными игроками, в число которых входят ключевые экономические партнеры Российской Федерации,

⁵ Елена Кранчева: «Сетевая дипломатия — драйвер интенсификации евразийского экономического сотрудничества» // Российская газета. 18.05.2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/18/elena-krancheva-setevaia-diplomatiia-drajver-intensifikacii-evrazijskogo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 13.11.2024).

осуществляемое в таких форматах, как зона свободной торговли (ЗСТ), или на основе преференциальных торгово-экономических соглашений.

К 2024 г. ЕАЭС подписал соглашения о ЗСТ с Вьетнамом (2015 г.), Сингапуром (2019 г.), Сербией (2019 г.) и Ираном (2024 г.), а также соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем (2018 г.). Еще с несколькими государствами согласование подобных договоров находится на стадии переговоров. В 2015 г. соответствующую заявку подал Египет. В 2016 г. начался диалог по данному вопросу с Монголией и Таиландом⁶, в 2017 г. — с Индией, а в 2019 г. намерение развивать экономические контакты с ЕАЭС в рамках ЗСТ выразил премьер-министр Израиля⁷. На стадии разработки находятся торговые соглашения с Индонезией и ОАЭ⁸. Заинтересованность в сотрудничестве с ЕАЭС по целому ряду экономических направлений выражали в разное время и государства других регионов: Южной и Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Лаос, Пакистан), Латинской Америки (Перу и Чили), Ближнего Востока и Северной Африки (Сирия и Тунис), а также Центральной Европы (Венгрия)⁹.

Еще одна специфическая черта сетевой дипломатии России в Евразии проявляется в деятельности рабочих групп, объединяющих правительственных экспертов (причем не только дипломатических ведомств) и представителей негосударственных субъектов. Механизм работы таких групп — наглядная демонстрация взаимосвязи политического уровня, на котором принимаются стратегические решения, и оперативно-тактического взаимодействия заинтересованных сторон.

⁶ Переговоры с Таиландом временно приостановлены.

⁷ Putin, Netanyahu Agree to Boost Talks on EAEU-Israeli Free Trade Agreement — Lavrov // *Bilaterals.org*. November 13, 2019. URL: <https://www.bilaterals.org/?putin-netanyahu-agree-to-boost> (accessed: 13.11.2024).

⁸ Торговые соглашения ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dotp/torgovye-soglasheniya/> (дата обращения: 13.11.2024).

⁹ Интеграционные траектории // *Review.uz*. 10.01.2020. URL: <https://review.uz/post/integracionnyie-traektorii> (дата обращения: 03.12.2024).

Преимуществом подобных групп является то, что их участниками становятся узкопрофильные специалисты в той или иной сфере. Именно поэтому при выработке рекомендаций рабочие группы ориентируются как на их политическую целесообразность, так и практическую полезность.

В Евразии формат рабочих групп активно развивается во всех ключевых региональных и макрорегиональных объединениях (ЕАЭС, СНГ, ШОС). Первоначально приоритетными направлениями рабочих групп была сфера экономики, однако с течением времени тематическое поле существенно расширилось. Сегодня рабочие группы, деятельность которых выстраивается на основе сетевого принципа, широко востребованы на гуманитарном треке, где среди субъектов международного взаимодействия появляется все больше представителей гражданского общества и научного сообщества.

В ШОС развиваются вспомогательные каналы дипломатии в сфере безопасности, преимущественно для противодействия новым вызовам и угрозам, где недостаточно межведомственного взаимодействия, а требуются знания и навыки технического характера соответствующих специалистов-экспертов. В качестве примера следует упомянуть созданную в 2009 г. под эгидой ШОС Рабочую группу по международной информационной безопасности (Бойко, 2019, с. 7) или форумную деятельность Региональной антитеррористической структуры ШОС (регулярное проведение международной научно-практической конференции РАТС)¹⁰.

На примере деятельности Рабочей группы ШОС по международной информационной безопасности можно проследить, насколько эффективными оказываются подобные вспомогательные механизмы дипломатического взаимодействия для продвижения глобальных приоритетов Российской Федерации в сфере внешней политики. С 2009 по 2011 г. на площадке ШОС велась активная подготовка так называемого

«кодекса поведения» в ИКТ-сфере — правил ответственного поведения государств в информационном пространстве. Результатом стала выработка соответствующей коллективной инициативы государств — членов ШОС¹¹, а в 2011 и 2013 гг. часть из положений этой инициативы легли в основу итоговых докладов профильной Группы правительственных экспертов ООН. В продолжение работы на данном направлении к 2018 г. страны доработали «кодекс поведения»: 13 норм этого кодекса стали основой принятой на площадке Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»¹².

Координация позиций государств — членов ООН в Рабочей группе поддерживается по сей день и ориентирована прежде всего на продвижение интересов России и ее партнеров при разработке глобальных конвенций юридически обязательного характера по противодействию информационной преступности (в декабре 2024 г. ГА ООН утвердила проект такой конвенции с оговоркой, что в будущем она может быть доработана посредством ее дополнения протоколом по дополнительным составам преступления¹³) и обеспечению международной информационной безопасности (работа над текстом данного документа сосредоточена в Рабочей группе открытого состава ООН). Кроме того, особое внимание Рабочая группа ШОС уделяет выработке единого подхода по реформированию глобальной системы управления Интернетом.

Новым словом в сетевой дипломатии России конца XX — начала XXI в. стало создание специальных форматов по урегулированию

¹¹ Письмо постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря // Организация Объединенных Наций. 14.09.2011. URL: <https://docs.un.org/ru/A/66/359> (дата обращения: 05.05.2021).

¹² Резолюция ГА ООН A/73/PV.45 от 5 декабря 2018 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27> (дата обращения: 05.05.2024).

¹³ О принятии Конвенции ООН против киберпреступности // МИД России. 26.12.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/general_assembly/1989289/ (дата обращения: 23.12.2024).

¹⁰ О 10-й международной научно-практической конференции РАТС ШОС // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. 16.09.2024. URL: <https://ecrats.org/ru/press/news/12724/> (дата обращения: 15.11.2024).

кризисов на постсоветском пространстве. Это позволило укрепить роль Российской Федерации как гаранта безопасности в зоне своих интересов. Первыми прецедентами стали Минская группа по урегулированию карабахского конфликта, Смешанная контрольная комиссия по грузино-осетинскому конфликту, Женевский переговорный процесс по Абхазии (1993–1994), а также формат «5+2» по Приднестровью. После войны в Грузии в 2008 г. были запущены Женевские консультации по безопасности и стабильности в Закавказье, а на фоне эскалации конфликта на Украине — Нормандский формат.

Несмотря на то, что не все форматы оказались эффективными — многие из них привели лишь к заморозке конфликтов, а некоторые конфликты сохраняются по сей день, — несомненным достижением является то, что они объединили за одним столом переговоров противоборствующие стороны и ключевых посредников. Такой подход соответствует неизменной позиции российского государства — добиваться достижения политического решения любого межгосударственного или внутригосударственного спора самими сторонами конфликта. В целом форматы по урегулированию кризисов служили скорее для согласования промежуточных договоренностей (прекращение огня, обмен военнопленными, разведение сторон и др.), что подготавливало почву для дальнейшего политического процесса.

Большое Евразийское партнерство — флагманский проект Российской Федерации

Важнейшей характеристикой сетевой дипломатии России в Евразии представляется то, что она ориентирована на решение стратегической задачи внешней политики в регионе по аккумулярованию потенциала различных игроков (государств, региональных организаций и интеграционных объединений), проектов — и макрорегиональных площадок. Этот принцип соответствует ценностной основе российской дипломатии, поскольку во главу угла ставится стремление сформировать единую архитектуру порядка на евразийском пространстве в интересах всех государств, разделяющих видение многополярного мира,

а не создать «разделительные линии» и барьеры для сдерживания отдельных стран.

Апофеозом развития такой объединительной повестки стала российская инициатива Большого Евразийского партнерства (БЕП). В 2015 г. президент России В.В. Путин, выступая перед Федеральным собранием Российской Федерации, представил практический проект по созданию единого интеграционного контура в Евразии¹⁴. Для этой цели предполагалось наладить сотрудничество между государствами региона и установить партнерские связи между ключевыми региональными структурами.

С момента выдвижения инициативы приоритетное внимание было сосредоточено на экономических аспектах взаимодействия — торговле, формировании единого транспортного пространства и единой сети экономических коридоров и зон развития, цифровизации экономики, энергетики, финансовом сегменте. Роль драйвера в продвижении экономической интеграции в регионе играет ЕАЭС, который выстраивает отношения с внешними игроками путем заключения двусторонних и многосторонних торговых соглашений. В дополнение к этому БЕП предусматривает сопряжение потенциалов ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), а также укрепление партнерства с АСЕАН (и асеаноцентричными структурами) и ШОС. Иными словами, «несущей опорой» БЕП должна была стать взаимодополняемость ресурсов всех заинтересованных игроков региона¹⁵.

На современном этапе охват БЕП значительно расширился за счет сфер политики и безопасности, культуры, науки и образования. В этой связи инициатива БЕП может служить полноценным инструментом формирования евразийского пространства и предотвращения фрагментации континента¹⁶.

¹⁴ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 03.12.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁵ О российской инициативе Большого Евразийского партнерства // МИД России. 15.06.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/ (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁶ Кортунов А. В. Восемь принципов Большого евразийского партнерства // Российский совет

На практике реализация инициативы БЕП привела к заключению ряда соглашений. Помимо договоров по линии ЕАЭС в 2005 г. состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании между секретариатами ШОС и АСЕАН¹⁷, в 2018 г. на саммите Россия — АСЕАН в Сингапуре был подписан аналогичный документ между Евразийской экономической комиссией и АСЕАН¹⁸, а в 2021 г. — между секретариатами ЕЭК и ШОС¹⁹.

Для того чтобы заручиться поддержкой Китая — ключевого игрока в регионе, в 2015 г. был начат активный диалог по перспективам реализации в рамках БЕП инициативы Китайской Народной Республики (КНР) — ОПОП (Петровский, 2017, с. 100). Переговоры завершились принятием Совместного российско-китайского заявления о сопряжении планов развития ЕАЭС и ОПОП от 2015 г., а в 2018 г. его дополнило Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Сегодня торгово-экономическое взаимодействие с Китаем продолжает развиваться согласно принятой в 2023 г. Дорожной карте. При этом «красной нитью» повестки взаимодействия сторон проходят вопросы налаживания контактов в научно-исследовательской и технологической сферах (Ковалёв, 2023).

Среди ключевых направлений сотрудничества в Евразийском регионе, согласно

по международным делам. 25.09.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (дата обращения: 12.11.2024).

¹⁷ Меморандум о взаимопонимании между секретариатом Шанхайской организации сотрудничества (секретариат ШОС) и секретариатом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (секретариат АСЕАН) от 21 апреля 2005 г. // Шанхайская организация сотрудничества. URL: <https://rus.sectsc.org/images/07e8/0c/05/1609839.pdf> (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁸ Меморандум от 14.11.2018 «О взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества» // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/18bn0099/> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁹ Меморандум от 17.09.2021 «Меморандум от 17 сентября 2021 года о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и секретариатом Шанхайской организации сотрудничества» // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21bn0110/> (дата обращения: 03.12.2024).

инициативе БЕП, значатся также сфера транспорта и энергетики. С учетом этого ставка делается на реализацию инфраструктурных проектов, в том числе на формирование транспортно-логистических коридоров, соединяющих страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и российский Дальний Восток с европейской частью континента. Приоритетной зоной развития выступают страны-транзитеры Центральной Азии, где Россия активно взаимодействует с Китаем, в первую очередь через сопряжение ЕАЭС и ОПОП. Таким образом, благодаря стремлению аккумулировать ресурсы Российской Федерации и КНР удастся не просто добиться синергетического эффекта, но и избежать превращения Центральной Азии — района пересекающихся интересов двух держав — в арену межгосударственного противоборства (Ковалёв, 2023).

Отдельное внимание уделяется укреплению северных маршрутов, а именно такой важной транспортной артерии, как Северный морской путь (СМП) — кратчайшего маршрута между европейской частью России и Дальним Востоком, служащего «мостом» между Европой и Азией. Конкурентным преимуществом СМП является то, что он позволяет практически в два раза сократить время транспортировки товаров по сравнению с транзитом через Суэцкий канал²⁰. По мере климатических изменений и в условиях непростых геополитических событий, в том числе на Ближнем Востоке, роль СМП только возрастает. Это подтверждают и статистические показатели: по итогам 2023 г. грузопоток по СМП (общий и транзитный) достиг исторического максимума (36,256 млн тонн и 2,149 млн тонн соответственно)²¹.

Еще одним значимым транспортным коридором, который мог бы способствовать

²⁰ Акватория Северного морского пути // Федеральное государственное бюджетное учреждение «Информационный аналитико-статистический центр Росморречфлота». URL: http://www.nsra.ru/ru/ofitsialnaya_informatsiya/granici_smp.html (дата обращения: 13.11.2024).

²¹ Северный морской путь // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе. URL: <http://dfo.gov.ru/project/econom/seaway/#:~:text=> (дата обращения: 13.11.2024).

экономическому объединению Евразии, выступает международный транспортный коридор (МТК) «Север — Юг», соединяющий Россию, Индию и Иран. Соответствующее соглашение между тремя странами было подписано еще в 2000 г. Постепенно к нему присоединились Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Сирия и другие страны региона, а активизации строительства способствовало подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. Преимущество МТК «Север — Юг» заключается в том, что он позволяет в 2,5 раза сократить расстояние перевозок по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал (Южный морской путь) и существенно снизить финансовые издержки транспортировки грузов.

Другими перспективными регионами с точки зрения развития транспортной и энергетической (трубопроводной) инфраструктуры является Азово-Черноморский, Балтика и Мурманская область. Несмотря на отдельные трудности, обусловленные антироссийскими санкциями, эти территории по-прежнему остаются многообещающими направлениями для многих российских и международных компаний. Способствовать практической реализации различных инфраструктурных проектов возможно за счет построения единого интеграционного контура в Евразии.

Несмотря на значительный уклон в сторону экономических аспектов БЕП, обращает на себя внимание политическая составляющая проекта. Эта инициатива рассматривается как инструмент укрепления многополярного миропорядка за счет вовлечения в диалог всех заинтересованных региональных акторов. При этом Партнерство не противопоставляется коллективному Западу, что отличает его от системы военно-политических блоков и замкнутых альянсов. Значимая роль в БЕП отводится проблемам безопасности, причем как традиционной (поиск решений по урегулированию территориальных споров), так и новых вызовов и угроз (противодействие сепаратизму, религиозному экстремизму, международному терроризму). В центре внимания находится проблема недопущения распространения оружия массового уничтожения, а также предотвращение гонки вооружений. На данных треках основными

механизмами БЕП выступают такие каналы сотрудничества, как ШОС и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), которые служат площадками для многостороннего диалога и взаимодействия в регионе.

О масштабности БЕП как механизма сетевой дипломатии свидетельствует и то, что проект направлен на совместный (с участием государственных и негосударственных акторов) поиск решений глобальных проблем, среди которых борьба с изменением климата, пандемиями, содействие укреплению продовольственной и энергетической безопасности, управление миграционными потоками и др. В этом смысле БЕП по своей сути напоминает международную организацию универсального характера, то есть ориентированную на многопрофильное сотрудничество.

В дополнение к упомянутым выше направлениям в рамках Партнерства планируется развивать социально-гуманитарную повестку, в рамках которой ставятся задачи по усилению взаимодействия в научно-технологической сфере, повышению уровня академической мобильности в том числе на базе существующих сетевых университетов СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС. Укреплению гуманитарного трека призваны содействовать мероприятия в области культуры — различные обмены, организации выставок, «вечера» и «недели» театров и кино и т. д.

В основу идеи БЕП изначально был заложен сетевой принцип. Об этом свидетельствует также и укрепление Россией новаторского формата дипломатического взаимодействия — дипломатии диалоговых структур и площадок. Так, для продвижения инициативы Большого Евразийского партнерства активно используются форумные площадки Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) и Восточного экономического форума (ВЭФ)²². Данные мероприятия проводятся ежегодно, привлекая политических лидеров (глав государств и

²² О российской инициативе Большого Евразийского партнерства // МИД России. 15.06.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/HEAD_OF_SUBJECTS_COUNCIL/MATERIALY-O-VYPOLENENII-REKOMENDACIJ-ZASEDANIJ-SGS/XXXVI-ZASEDANIE-SGS/1767070/ (дата обращения: 13.11.2024).

правительств, высокопоставленных представителей различных министерств) России и иностранных государств, а также представителей дипломатического корпуса, ведущих бизнесменов, известных экспертов. Объединение «на полях» форумов представителей политических кругов и неправительственного сектора ускоряет практическую деятельность заинтересованных сторон по имплементации политических договоренностей.

Заключение

Активизация использования инструментов сетевой дипломатии России на евразийском пространстве происходила на фоне развития стратегии по расширению российского присутствия и влияния в регионе, а форматы и институты сетевого взаимодействия выступали в качестве вспомогательного трека дипломатии официального уровня. В силу комплексности и всеобъемлющего характера внешнеполитического курса РФ в Евразии именно это региональное направление — наиболее яркий пример многовариантного сочетания различных форм сетевой дипломатии Российской Федерации — от узкопрофильных рабочих групп по решению определенной задачи до универсальных по тематическому охвату площадок.

Отличительной чертой сетевой дипломатии Российской Федерации в Евразии является ее использование на подготовительном этапе развития интеграционных процессов. В частности, неиерархичные элементы сетевого взаимодействия нашли широкое применение до момента создания, а также на первом этапе функционирования ЕАЭС. Это способствовало укреплению экономических связей между странами региона, формированию единого экономического пространства и заложило основу для будущего таможенного союза. При этом была сделана ставка на разнотемпную разнотемпную интеграцию с учетом интересов государств-партнеров, их готовности к более глубокому сотрудничеству в отдельных отраслях.

По мере усиления влияния и позиций России в регионе особое внимание начало уделяться наращиванию контактов в рамках реализации конкретных направлений взаимодействия, причем не только в сфере экономики,

как это было изначально, но и в области политики, безопасности, культурно-гуманитарного сотрудничества. Для этих целей востребованным механизмом стали «мягкие» форматы сетевой дипломатии — специальные рабочие группы, которые также отличает гибкость. В их работе наряду с правительственными экспертами принимают участие представители бизнеса, неправительственных организаций, научного сообщества и гражданского общества, а совместно с государствами-членами к некоторым проектам подключаются другие заинтересованные партнеры. Таким образом, был сформирован и продолжает развиваться «внешний контур» ЕАЭС (на основе соглашений о зоне свободной торговли и диалогов с внешними партнерами) и ШОС (путем проведения совместных мероприятий).

Дипломатия России в Евразии примечательна тем, что в этом регионе апробируется новаторский формат сетевого взаимодействия — инициатива Большого Евразийского партнерства. Ее уникальность заключается в том, что она направлена на консолидацию потенциалов всех заинтересованных и разделяющих общее видение миропорядка государств региона, ресурсов ключевых региональных многосторонних структур (ЕАЭС, ШОС, АСЕАН) и инициатив (таких как китайская инициатива «Один пояс, один путь»). Подобный подход позволяет предотвратить фрагментацию региона за счет создания блоков и альянсов, ориентированных на сдерживание отдельных игроков. В то же время благодаря гибким инструментам сетевой дипломатии удастся добиться вовлечения максимально широкого круга участников различного статуса (национальных правительств, региональных организаций и интеграционных структур, макрорегиональных площадок, неправительственных субъектов), в том числе внерегиональных игроков, тем самым продвигая объединительную повестку на континенте.

Таким образом, перспективы БЭП по всем направлениям развития сетевой дипломатии России — от экономики до социально-гуманитарной сферы — достаточно широкие. Однако на практике многие проекты на текущий момент напоминают отдельные

наброски и требуют более продуманного подхода к поиску механизмов их практического воплощения как с организационной и финансовой точек зрения, так и с учетом непростого политического ландшафта Евразийского континента. Акцент на интеграции потенциалов всех региональных участников служит главным залогом успеха реализации данного проекта. Более того, несомненным преимуществом БЕП выступает то, что этот проект играет роль канала налаживания диалога с партнерами за пределами Евразийского региона, в первую очередь интеграционными структурами и отдельными странами «мира ислама» и Африканского континента. Благодаря этому в перспективе БЕП может стать не только инструментом формирования единого интеграционного контура в Евразии, но и вспомогательным механизмом глобальной сетевой дипломатии России, дополнив такую весомую площадку, как БРИКС.

В этой связи целесообразным представляется развитие не только политического диалога по дипломатическим каналам на дву-

сторонней основе и в рамках классических международных организаций, но и использование в полной мере возможностей вспомогательных треков взаимодействия с привлечением экспертов-международников из числа бывших государственных деятелей, экономистов, деятелей в сфере культуры, науки и образования, специалистов по безопасности и т. д. Площадки для поддержания таких контактов уже существуют — это различные форумы и конференции. В то же время такой эпизодической работы оказывается недостаточно для формирования прочных связей. Необходимо придать этой деятельности системный характер в межфорумный период, например, путем создания совместных информационно-аналитических порталов, продвижения совместных проектов в областях практического сотрудничества. Помимо усиления взаимосвязанности Евразии это позволило бы повысить имидж региона как нового центра силы в системе международных отношений.

Поступила в редакцию / Received: 15.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 11.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Богатуров А. Д. *Международные отношения и внешняя политика России* : научное издание. Москва : Аспект Пресс, 2017. EDN: YMUTLV
- Бойко С. М. Проблематика международной информационной безопасности на площадках ШОС и БРИКС // *Международная жизнь*. 2019. № 1. С. 1–22. EDN: YVOHTN
- Бударина Н. А., Прокопович Р. С. Место ЕАЭС в мир-системе // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2024. Т. 32, № 2. С. 337–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-337-352>, EDN: IXJLWN
- Бурганова И. Н. Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 6–1. С. 120–123. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.48.080>; EDN: WAYQVB
- Воронцова Н. А. Создание сетевых альянсов Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями // *Московский журнал международного права*. 2017. № 2 (106). С. 136–143. EDN: ZMQBKZ
- Галлямова Д. А., Аминов И. Р. Роль ШОС в международной безопасности // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 12–1. С. 79–81. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-12-1-79-81>; EDN: OCJEW P
- Еникеев Ш. М., Лукин А. В., Новиков Д. П. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2024. Т. 19, № 1. С. 129–148. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-06>; EDN: ESYYGJ
- Жарков С. Е., Самбилова А. А., Набойченко М. С., Едич Г. С., Литвиненко Д. В. Этапы становления системы региональной безопасности России на постсоветском пространстве // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 1. С. 201–203. EDN: NHBYDJ
- Зеленева И. В., Ивановский Д. А. Сетевая дипломатия на евразийском пространстве: опыт Евразийского экономического союза // *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 3 (118). С. 44–49. EDN: XNACIH
- Ковалёв В. С. ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023. Т. 17, № 3. С. 15–24. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-15-24>; EDN: BCCRME

- Колосова И. В. Лабиринты «сетевой дипломатии» // Проблемы постсоветского пространства. 2014. № 2. С. 173–180. EDN: TZIAOX
- Кузнецов Д. А. Сетевая текстура мировой политики: трансрегионализм БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 11. С. 124–131. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-124-131>; EDN: JJUNLA
- Кунина И. А. Сетевой аспект многосторонней дипломатии // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 9. С. 392–409. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409>; EDN: TXHWNH
- Ларионова М. В. Россия в «Группе двадцати»: факторы успеха и задачи на будущее // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 349–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-349-371>; EDN: YMRWGX
- Ларионова М. В., Рахмангулов М. Р. «Группа восьми» и «Группа двадцати». Функции, приоритеты, типы взаимодействия с Россией // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4, № 4. С. 134–167. EDN: LJMNI
- Малышев Д. В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 4. С. 81–104. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104>; EDN: EQNZRQ
- Петровский В. Е. На пути к Большому евразийскому партнерству: вызовы и возможности // Международная жизнь. 2017. № 6. С. 99–112. EDN: YUHOAJ
- Рахимов К. К., Азизова А. Б. Перспективы разнотемпной интеграции в ЕАЭС // Геоэкономика энергетики. 2021. Т. 16, № 4. С. 109–119. https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_16_4_109; EDN: JJOAVI
- Редькина А. С., Круг Э. А. Торгово-экономические взаимосвязи стран ЕАЭС // Национальные приоритеты России. 2024. № 1. С. 27–34. EDN: DGGUJQ
- Столков Д. С. Дипломатия диалоговых структур: Фонд Росконгресс // Международная жизнь. 2023. № 11. С. 126–133. EDN: AVDZQW
- Турлыбаева Д. Т. ОДКБ и ее развитие в условиях новых угроз безопасности // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 9 (123). С. 1–5. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.123.82>; EDN: HGOGTV
- Филатов С. В. Сетевая дипломатия БРИКС // Международная жизнь. 2011. № 5. С. 105–112. EDN: TSFUEN
- Хейфец Б. А. Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 107–120. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00008>; EDN: VKMMXY
- Шелепов А. В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10, № 4. С. 7–28. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-04-07>; EDN: VBWQLD
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security : A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Choi S. Where You Sit Matters: The Power of Brokers in Diplomatic Networks & Interstate Conflict // International Interactions. 2023. Vol. 49, no. 5. P. 669–695. <https://doi.org/10.1080/03050629.2023.2237175>; EDN: ZMCGOC
- Constantinou C. M., Sharp P. Theoretical Perspectives in Diplomacy // The SAGE Handbook of Diplomacy / ed. by C. M. Constantinou, P. Kerr, P. Sharp. New York : SAGE Publications Ltd, 2016. P. 13–27.
- Hajnal P. I. The G20 : Evolution, Interrelationships, Documentation. 2nd ed. New York : Routledge, 2019.
- Hayden C. Social Diplomacy, Public Diplomacy, and Network Power // Diplomacy, Development and Security in the Information Age / ed. by Sh. Kalanthal. Washington, D.C. : Georgetown University, Institute for the Study of Diplomacy, 2013. P. 17–32.
- Keohane R. O., Nye J. S., Jr. Power and Interdependence. 4th edition. London : Pearson Longman, 2011.
- Kirton J. J. G20 Governance for a Globalized World. London and New York : Routledge, 2013.
- Lissovlik Y. Eurasian Economic Union and ASEAN: Complementarity Appraisal // Mezhdunarodnye Processy / International Trends. 2017. Vol. 15, no. 3. P. 46–54. EDN: ZTCGQV
- Metzl J. F. Network Diplomacy // Georgetown Journal of International Affairs. 2001. Vol. 2, no. 1. P. 77–87. URL: <http://www.jstor.org/stable/43133985> (accessed: 15.10.2024).
- Morozov V. M., Shebalina E. O., Lebedeva O. V. Network Diplomacy: Theory // Istoriya. 2019. Vol. 10, no. 11. P. 27. <https://doi.org/10.18254/S207987840008084-1>; EDN: ETFRWB
- Slaughter A.-M. The Chessboard and the Web : Strategies of Connection in a Networked World. New Haven and London : Yale University Press, 2017.
- The Oxford Handbook of Modern Diplomacy / ed. by A. Cooper, J. Heine, R. Thakur. Oxford : Oxford University Press, 2013.

Сведения об авторах:

Булва Валерия Игоревна — кандидат исторических наук, сотрудник, Министерство иностранных дел Российской Федерации; eLibrary SPIN-код: 7445-1362, ORCID: 0000-0003-0378-363X; e-mail: va.i.bulva@my.mgimo.ru

Бобров Александр Кириллович — кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 5245-2870; ORCID: 0000-0001-7055-3805; e-mail: a.bobrov@inno.mgimo.ru